

Уровень подготовки и актерский опыт у всех участников были разными, поэтому проект пригласил для них профессиональных преподавателей. Последние два дня каждая группа под руководством наставников устроила хотя бы по одной репетиции. Команда Шао Жаня из-за недобора людей оказалась в самом конце очереди, но Чу Цинюнь повезло — он приехал как раз к последнему дню консультаций.

Преподаватель еще не пришел, но в просторном репетиционном зале уже собралось немало народу.

Помимо тех, кто пообедал раньше и пропустил драму в столовой, и тех, кто увязался за Чжоу Чи, здесь ошивался и Бай Вэй — тот самый парень, которого Чу Цинюнь недавно осадил одной хлесткой фразой.

Этот тип обожал не только совать нос в чужие дела, но и чесать языком. Он уже во всех красках расписал собравшимся, как дерзко Чу Цинюнь обошелся с ним и с Чжоу Чи. В итоге зрители стрима, только начавшие проникаться к Цинюню симпатией, не на шутку схлестнулись в чате с фанатами Чжоу Чи и Бай Вэя.

Когда Чу Цинюнь вошел, на ступенях просторного зала уже вовсю кипела жизнь. Участники сгруппировались вокруг Чжоу Чи: кто-то изучал сценарий, кто-то негромко болтал.

Заметив его появление, все разом притихли. Они продолжали беседовать с Чжоу Чи, украдкой косясь на Цинюня.

Зрители сейчас находились в той фазе, когда тайны Чу Цинюня только начали приоткрываться, и всем не терпелось узнать правду. Режиссер эфира, отлично чувствуя аудиторию, тут же дал крупный план его лица.

Молодой человек, похоже, давно привык к подобному ostracismу. Он поднялся по ступеням и, держа сценарий, ушел в самый дальний, глухой угол. Там он опустился прямо на пол, подтянув к себе одну ногу.

Держался он перед камерой точь-в-точь как раньше, и у зрителей даже возникло мимолетное чувство узнавания.

Будто подыгрывая ожиданиям в чате, Чу Цинюнь не спешил открывать пьесу. Опустив голову, он на секунду погрузился в свои мысли, а затем прикрыл рот кулаком и под этим прикрытием тихонько улыбнулся.

Утреннее солнце, пробиваясь сквозь широкие окна, мягко заливало его угол, из-за чего неприметное место вдруг показалось освещенным ярким театральным прожектором.

В этом теплом золотистом сиянии растрепавшиеся пряди, спадавшие на лицо, смягчали резкие

очертания профиля, делая его облик утонченно-андрогинным. Наблюдавшие за ним украдкой невольно засмотрелись, а кто-то из девушек даже тихонько охнул.

Этот тихий вздох прозвучал почти беззвучно, но парень его услышал.

Словно внезапно потревоженный лесной эльф, он посерьезнел, убирая улыбку, и настороженно вскинул голову, столкнувшись взглядом с Бай Вэем, который смотрел на него с явной неприязнью.

Приняв этот взгляд за вызов, парень слегка отодвинулся вглубь. Солнечная полоса скользнула по его лицу, прочертив четкую границу: насмешливо изогнутые губы остались в тени, а глаза ярко блеснули на свету.

Он слегка вскинул подбородок и уставился на соперника в упор.

Будто из-под мягких белых перьев резко выхватили инкрустированный самоцветами клинок — этот контраст мгновенно вырвал зрителей из нежного наваждения, заставив опомниться.

— Боже мой! Он улыбается! Какая прелесть!!! Наверное, вспоминает, как его хвалили!

— А-а-а-а, почему я раньше не замечала, какой Чу Цинюнь красивый? Когда он сидел в лучах солнца и тайно улыбался, это было просто невероятно эстетично!

— Ну и где все те, кто кукарекал, будто у Цинюня зависть так и прет? Ему на весь этот бойкот плевать, доброе слово незнакомой девушки для него куда важнее!

— Как можно оставаться равнодушным к чужой злобе и при этом так искренне радоваться капле тепла? Я сейчас расплачусь, серьезно.

— Мне кажется, он просто живет в своем собственном мире. Радоваться одной фразе так долго — совсем как ребенок.

— Ну и фантазия у комментаторов, обычная ухмылка, а вы уже целую драму расписали.

— Так, и кто его прервал? Я же не налюбовалась! Эй!

— Ха-ха-ха, похоже, это Бай Вэй, который только что со свистом вылетел из столовой. Вот они и меряются взглядами.

В самом репетиционном зале тоже заметили их безмолвную дуэль. Кто-то подтолкнул локтем Бай Вэя:

— Бай Вэй, он на тебя смотрит.

Бай Вэй вспомнил недавний конфуз в столовой и, испугавшись, что Чу Цинюнь снова выкинет какой-нибудь финт, поспешно отвел глаза, пытаясь сохранить лицо:

— Псих какой-то. Не обращайтесь внимания.

Еще одна маленькая победа.

В объективе камеры парень совсем по-детски вскинул подбородок, пренебрежительно фыркнул и наконец углубился в чтение.

Роли и сценарии для первого тура распределялись жеребьевкой. Шао Жань вытянул фрагмент из культового боевика из провинции Тай «Агент под прикрытием», режиссер которого заседал в жюри проекта.

Фильм рассказывал о полицейском Хань Чжисине, внедрившемся в преступную группировку. Ведя смертельно опасную игру против босса банды, Лун Тяня, он раз за разом балансировал на грани провала, но умудрялся выходить сухим из воды. В финале герой уничтожал синдикат, но погибал сам.

Ближе к концу картины Хань Чжисинь, занявший место правой руки босса, помогал полиции перехватывать одну контрабандную поставку за другой. Он планировал покончить с бандой раз и навсегда во время облавы в порту, но прямо перед штурмом столкнулся со случайной жертвой обстоятельств — честным и импульсивным парнем по имени Сяовэй.

В завязке сюжета Сяовэй немало помог следствию, но из-за этого оказался замешан в бандитских разборках, в результате чего пропала его мать. Парень ворвался на охраняемую базу, надеясь отыскать ее. Хань Чжисинь, знавший, насколько жесток Лун Тянь, понял, что парня убьют. Услышав шаги приближающегося босса, он наспех связал Сяовэя и заталкал за корму пришвартованного сейнера.

Сцена для репетиции начиналась именно отсюда.

Лун Тянь, считавший копа своим названным братом, уже подозревал предательство, но упорно отказывался в него верить. Между героями шел тонкий психологический поединок, во время которого босс проговаривался о гибели матери Сяовэя.

Спрятанный на катере Сяовэй, услышав страшную весть, в исступлении разрывал путы и бросался на Лун Тяня с ножом. Тем самым он выдавал главного героя. Троица сцеплялась в отчаянной потасовке, где у каждого была своя правда. В итоге Сяовэй убивал босса мафии, но шум борьбы привлекал подручных Лун Тяня, что ломало весь план полицейской засады.

В фильме эта осечка позволяла большей части бандитов уйти, что позже косвенно приводило к смерти главного героя.

А сам парень, два часа олицетворявший на экране закон и справедливость, сбегал под шумок, ложился на дно и в итоге сам становился во главе нового криминального синдиката.

Это трио на экране давно стало классикой, которую киноманы пересматривали и монтировали в клипы бесконечное число раз.

Горькая самоирония преданного Лун Тяня, душевная мука и сострадание Хань Чжисиня заставляли зрителей сжимать кулаки от переживаний. И лишь Сяовэй остался без симпатий публики. Зрители люто ненавидели этого персонажа за глупость и импульсивность, справедливо считая его виновником гибели обоих героев.

Когда картина только вышла на экраны, публика обвиняла режиссера в использовании картонного персонажа ради дешевой драмы в финале, а особо рьяные фанаты даже требовали переснять концовку. По сей день в рецензиях критиков то и дело мелькают проклятия в адрес этого тупицы.

Роль Сяовэя как раз и досталась Чу Цинюню.

Он слегка нахмурился.

«Крайне неблагодарный персонаж...»

Экранного времени хватало, но первый этап шоу проходил в формате живого театра. В кино трагедия Сяовэя раскрывалась за счет крупных планов и монтажных акцентов, и даже тогда его закидали камнями. Сыграть такое на сцене без склеек и дублей — задача почти невыполнимая.

Впрочем, любой провал покажется пустяком по сравнению с тем хаосом, который оставил после себя прошлый Переселенец в книгу. Сыграть мерзавца настолько достоверно, чтобы вызвать искреннее омерзение у зала, — тоже своего рода победа. Жаль лишь, что зрители часто переносят ненависть к герою на самого актера. Будет обидно потерять крупницы симпатии, которые он только начал завоевывать.

— Чу Цинюнь!

Дверь зала распахнулась, впуская вернувшуюся из столовой толпу. Чэнь Сяоди закричал так громко, что сразу приковал к себе взгляды половины присутствующих и вызвал смешки у стоявших рядом ребят.

Покраснев как рак, он подбежал к Цинюню, неловко протягивая пакет молока:

— Это... я заметил, что ты остался без завтрака...

Чу Цинюнь изогнул бровь. Окружающие притихли, с изумлением наблюдая за ними.

Насколько все помнили, Чэнь Сяоди раньше увивался исключительно вокруг Шао Жаня. Да и по словам Бай Вэя, Чу Цинюнь из безответной тени превратился в неадекватного скандалиста, от которого стоит держаться подальше. Так почему к нему проявляют заботу?

Пока остальные гадали, в чем дело, зашедшие в зал ребята начали устраиваться неподалеку. Шао Жань и Чэнь Сяоди сели вплотную к Чу Цинюню, остальные рассредоточились чуть поодаль, заполнив пустой угол. Прежний круг обожателей вокруг Чжоу Чи мгновенно поредел. Одна из девушек, усаживаясь, даже обернулась и тепло поздоровалась с Цинюнем.

У старых обитателей зала в глазах застыл немой вопрос.

«Что за чертовщина?!»

Разве Бай Вэй не утверждал, что с Чу Цинюнем теперь невозможно общаться? Почему тогда ребята ведут себя с ним настолько дружелюбно?

Прямо рядом с Чжоу Чи сидел Ху Имин — рэпер из его группы, с которым они вместе дебютировали.

Этот видный, утонченный парень заметил, как у соседа перехватило дыхание. Он склонил голову и мягко спросил:

— Сяо Чи, что случилось?

— Все в порядке.

Чжоу Чи натянул улыбку, до боли сжав кулаки в карманах.

«Он так и знал! Ну конечно! Неудивительно, что этот гаденыш сидел в углу и ухмылялся! Что он устроил в столовой после того, как сам Чжоу Чи ушел оттуда в слезах? Почему эти идиоты крутятся вокруг него?!»

— Я... просто мне кажется, что брат сильно изменился. Стал совсем другим.

Ху Имин помрачнел:

— Я слышал от Бай Вэя, как он с тобой обошелся. И ты после этого зовешь его братом?

Юноша с кротким лицом грустно вздохнул:

— Брат Имин, не злись, пожалуйста. Обещаю, я больше не буду попадаться ему на глаза.

Только тогда рэпер немного оттаял. Он наградил ледяным взглядом Чу Цинюня, непринужденно болтавшего с Чэнь Сяоди, а когда снова посмотрел на Чжоу Чи, его лицо смягчилось. Он покровительственно приобнял друга за плечи, не скрывая жалости.

— Понимаю, родственные узы разорвать нелегко. Но этот человек завистлив до мозга костей, тебе лучше держаться от него как можно дальше.

Подпевалы из окружения Чжоу Чи тут же закивали, наперебой понося невоспитанность Чу Цинюня.

Тот лишь со скорбным, но мужественным видом кивнул и теснее прижался к Ху Имину.

— О-о-о-о, я сейчас растаю! Говорят, Ху Имин вообще не хотел идти на проект, но согласился только ради того, чтобы поддержать своего Чичи!

— Какая прелесть! Наш Чичи — настоящее солнышко, все его любят!

— Чичи притягивает людей как магнит. Не то что некоторые завистники, которых все презирают, а они радуются любой копеечной вежливости.

— Поймите, одной мне здесь неловко? Чу Цинюнь на этого Чжоу Чи даже не взглянул ни разу. Где вы тут зависть разглядели?

— Да он за кадром ядом брызжет! Думаете, он перед камерами станет завидовать?

— Ага, а вы лично свечку держали в доме семьи Чжоу?

— Хватит ругаться, давайте просто наслаждаться милотой! Вперед, Чичи, размажь этого Чу в первом туре, утри нос хейтерам!

— Да ладно вам, даже если Чу Цинюнь не знает реплик, это не совсем его вина. Он только из больницы, еще и под такую грязную травлю попал... Надеюсь, Учитель Ли не будет его сильно ругать.

— Если честно, мне его даже жалко. Парня оклеветали, никто не помог оправдаться, еще и на шоу устроили бойкот.

— Дыма без огня не бывает. Почему бойкотируют именно его? Между прочим, он родной сын семьи Чжоу, а ведет себя как дикарь!

Чу Цинюнь, не обращая внимания на косые взгляды, вежливо кивнул в ответ Хэ Юэ, а затем повернулся к Чэнь Сяоди:

— Спасибо, не стоит. У меня непереносимость лактозы.

— А? — Чэнь Сяоди растерялся, вспыхнув пуще прежнего. — П-прости, я не знал...

— Я тебе не рассказывал, откуда тебе знать? — Чу Цинюнь нахмурился, не понимая, зачем парень городит нелепости. — Так что извиняться не за что.

— Ну, я просто... — пробормотал Чэнь Сяоди.

— Ладно тебе, не дразни его, — с улыбкой вмешался Шао Жань, потянув Чэнь Сяоди за рукав, чтобы тот сел. — Ты реплики-то помнишь? Учитель Ли очень строг, за ошибки в тексте мигом голову оторвет.

Чу Цинюнь захлопнул сценарий, протянул его Шао Жаню и, повернувшись к Чэнь Сяоди, ровным тоном произнес:

— Вырывается из веревок, бросается вперед: «Ублюдок, я прикончу тебя!»

Чэнь Сяоди захлопал глазами, сообразив, что это сцена его персонажа. Он прижал руку к плечу и робко продолжил:

— Ранен в плечо, выхватывает ствол: «Тварь... Сдохнуть захотел?!»

Закончив, они оба перевели взгляд на Шао Жаня.

Шао Жань на миг опешил, но тут же подыграл, раскинув руки:

— Встает между противниками: «Не стреляй! Сяовэй, ты с ума сошел?!»

Чу Цинюнь ответил без секунды промедления:

— «Да, сошел! Я свихнулся еще тогда, когда решил тебе помочь! Если бы я не связался с вами, моя матушка была бы жива! Пусти меня, я придушу эту тварь!» Кричит в ярости.

Чэнь Сяоди вжился в роль:

— С презрением: «Матушка? Ха, так ты тот малец из рыбной лавки».

Шао Жань задышал тяжело, нагоняя драматизм:

— Задыхаясь от страха: «Лун Тянь, у парня истерика, не слушай его бредни! Сначала займись раной!»

Диалог в этой сцене был огромным. И хотя ребята читали текст ровно, без актерского надрыва, они без единой запинки воспроизвели сцену от начала до конца, озвучив все реплики и ремарки. Когда они закончили, в углу повисла изумленная тишина.

— Ты помнишь все наизусть?! — поразился Шао Жань.

— Ну, вы, как я вижу, тоже времени зря не теряли, — парировал Чу Цинюнь.

— Но мы-то готовимся уже несколько дней! — воскликнул Чэнь Сяоди. — Мы оригинальный фильм до дыр засмотрели! А ты даже сценарий в руки не брал!

— Я ушиб голову, а не лишился рассудка. Посмотреть фильм мне ничто не мешало, — спокойно ответил Цинюнь.

— Ой, и правда... — Чэнь Сяоди мысленно выругал себя за очередную глупость. Опасаясь встретить насмешливый взгляд напарника, он сконфуженно закрыл лицо ладонями.

Шао Жань посмотрел на него с нескрываемым уважением:

— За то, что сделал за эти дни... Спасибо тебе.

Чу Цинюнь удивленно приподнял бровь:

— М?

Шао Жань не стал вдаваться в подробности. Он лишь дружески похлопал парня по плечу и снова опустил взгляд на страницы:

— Обращение «матушка» здесь переведено с миньнаньского диалекта. Думаю, не стоит ли

заменить его на более привычное для разговорной речи «мама»...

Тем временем остальные участники в зале и зрители у экранов, не сводившие глаз с этого угла, застыли в немом шоке.

<http://bllate.org/book/20480/2115643>